

Глава 1

[#Сун Цинюнь, вон из индустрии развлечений!#]

[#Защитим нашего Юйюаня! Армия «таро» здесь!#]

[#Развлекательная компания «Циюань», какого черта вы бездействуете?! Вы за кого нас, фанатов-таро, принимаете?!#]

Горячие темы висели в топах три дня и только-только начали остывать, как полмесяца спустя новый заголовок буквально взорвал сеть: [#Сун Цинюнь устроил ночную гонку в нетрезвом виде, протаранил ограждение и рухнул в реку. Выжил ли он — неизвестно#].

Казалось бы, новость о страшной аварии должна вызвать сочувствие, но стоило открыть комментарии, как в глаза бросалась атмосфера едва ли не всенародного праздника.

«Фанаты-таро» ликовали, не жалея восклицательных знаков: «Так ему и надо!», «Сдох — и слава богу!», «Зло наконец-то наказано!».

Случайные прохожие, не знакомые с деталями драмы, в недоумении вопрошали:

«Подождите, а кто этот Сун Цинюнь? Почему он вторую неделю не слезает с горячих тем?»

«Он что, совершил какое-то чудовищное преступление? Почему люди так радуются его смерти?»

Заботливые фанаты-таро тут же услужливо скидывали ссылку на видео, строча со скоростью пулемета:

«Это он! Уродлив душой и телом! Представляете, он поднял руку на нашего братика! Это же настоящий абьюз и травля! Таких, как он, и тысячи смертей мало!»

На видео худощавый мужчина в очках в черной оправе замахивался рукой. Он выглядел взвинченным и заметно дрожал. Следующий кадр — человек, по которому пришелся удар, резко откидывает голову, делает пару нетвердых шагов и падает на землю. Он сидит, закрыв лицо руками, а его плечи мелко подрагивают — кажется, он плачет.

Тот, что в очках, смотрел на упавшего сверху вниз. В его позе не было ни капли жалости или раскаяния — лишь холодное, неподвижное высокомерие.

Тут же в кадр вбежали сотрудники площадки, обступая пострадавшего плотным кольцом.

Некоторые оборачивались и бросали на «агрессора» полные ненависти взгляды, но, словно не смея перечить, лишь стискивали зубы, подавляя гнев.

В самом конце видео сидящий на земле человек протянул руку и едва заметно потянул обидчика за край одежды, словно умолая: «Забудь, не надо».

Видео обрывалось, но секция комментариев полыхала:

[Наш Сун Юйюань такой понимающий! Сколько раз он сталкивался с Цинюнем, столько раз уступал! Никогда с ним не спорил! Даже после удара он держал менеджера Вана за одежду, чтобы тот не ввязывался в конфликт! Сердце разрывается от боли за него!]

[Меня просто трясет! Этот Сун Цинюнь издевался над Юйюанем еще в семье Сун, а теперь обнаглел до того, что распускает руки при всех?! У нас вообще есть законы?! Если он вытворяет такое на глазах у персонала, страшно представить, какой ад он устраивает Юйюаню за закрытыми дверями!]

[Сун Цинюнь давно должен был сгинуть! Наш Юйюань — настоящая кровь семьи Сун! А этот — просто кукушонок в чужом гнезде! Столько лет пользовался всем чужим и никак не нажрется! Тошно!]

[Меня буквально выворачивает от его гнусной рожи! Если бы не семья Сун, кем бы он был?! Пользовался всеми благами, которые должны были принадлежать родителям Юйюаня, а в итоге еще и гнобит его! Откуда у него столько наглости?]

[Наш Юйюань слишком добрый!]

[Да! Мы должны защитить нашего лучшего братика Юйюаня! Кроме нас у него никого нет. Фанаты-таро, мы не можем позволить больше никому его обижать!]

[Хорошо, что Сун Цинюнь сдох! Прямо гора с плеч!]

...

Прохожие, изучившие «дело», все равно пребывали в легком замешательстве:

«... Эм, а можно сначала узнать, кто вообще такой этот братик Юйюань?»

В ответ на это горячие темы захлестнула волна агрессивного маркетинга. Люди видели невинное, чистое лицо юноши, не знавшего тягот мира, и в них невольно просыпалось желание защитить это хрупкое создание. Поддавшись фанатской истерии, они присоединялись к хору проклятий в адрес Сун Цинюня. Так началась война без единого выстрела.

Грохот!

Взрыв вспорол тишину. Мгновенно взметнулось пламя, и нахлынувшая волна жара вместе с обломками швырнула людей прочь. Тела врезались в стены, падали на землю. Крик боли и мольбы о помощи утонули в оглушительном звоне, забившем уши.

Когда Мэн Тинтун ударился спиной о каменную кладку, ему показалось, что взрывная волна превратила его кости и внутренности в труху.

Жгучая боль на коже и ощущение пустоты в разорванной груди одновременно донеслись до мозга. Последним приказом, который угасающее сознание отдало телу, был приказ умереть.

«Что ж, в этот раз мне точно конец», — успел подумать Мэн Тинтун.

У него не было времени, чтобы перед смертью увидеть «калейдоскоп» прожитых лет. Секунда — и он провалился в беспросветную тьму.

Трудно сказать, сколько времени прошло.

Сквозь пелену забытья до него долетали обрывки приглушенных жалоб. Боли не было, но сознание, словно взболтанное в шейкере, едва могло зацепиться за смысл слов:

— Это не я... Я этого не делал! Все было не так!

— Сяо Юань... Ты правда хочешь моей смерти?

— Почему... почему мне никто не верит?!

Мэн Тинтун не понимал. Слова казались неразборчивым шумом. «Кто? Кто здесь?»

Всплеск. Тяжелый, глухой звук воды.

— В машине кто-то есть! Скорее, спасайте людей!

Знакомые крики, суeta, невыносимый шум.

Треск! Удар!

Уи-и-у, уи-и-у, уи-и-у...

— Вы родственник пациента?!

Пи-и-и-и...

Тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Боль вернулась. Мэн Тинтун болезненно поморщился. Голоса, рыдания и звон в ушах сплелись в невыносимую какофонию, от которой раскалывалась голова. Он хотел открыть глаза и рякнуть на всех: «Заткнитесь!», но тело не слушалось.

В этом пограничном состоянии между жизнью и смертью, в липком мареве бреда он провел три дня.

Лишь к вечеру третьего дня вокруг наконец стало тихо. Мэн Тинтун, пошатываясь в лабиринтах памяти, начал вспоминать свою недолгую, но яркую жизнь.

Он начинал в Башне Ветров и Луны в Наньлине. Был перекаати-полем, скользил между знатными господами и богачами, выживал в вертепе порока и роскоши. На него смотрели сотни голодных глаз, он кружил головы тысячам, но сам оставался холодным и неприступным.

И вот теперь он умер. Не забрав с собой ни единого серебряного юаня, ни одного из своих сундуков с драгоценностями.

На мгновение его охватила досада.

«Знай я, что все так закончится, стоило быть хоть к кому-то благосклоннее».

Тот холодный красавец-актер из Башни Линлан, кажется, всё ждал от него приглашения на вино. Мэн Тинтуну пришлось потратить немало золота, чтобы выкупить хотя бы одну улыбку этого ледяного юноши.

Закрыв глаза, он предавался запоздалому сожалению — то ли о накопленном добре, то ли о том, что так и не успел выпить с тем красавцем чарку чая.

— Сун Цинюнь, а ты везунчик. Даже так не сдох.

Голос, пропитанный ледяной ненавистью и едва скрываемым отчаянием, прорвался сквозь

тишину. Говорили вполголоса, словно боясь, что их подслушают.

— Интересно... когда же ты очнешься? И сможешь ли ты жить дальше, когда придешь в себя?

— Хе-хе, впрочем... а проснешься ли ты вообще?

Скрипнула дверь. Раздался четкий стук каблуков по полу. Голос, только что звучавший как проклятие мстительного призрака, мгновенно преобразился. Интонации стали мягче, тональность выше, а в последнем слове послышалась игривая нежность.

— Братик! Ты пришел?

— М-м.

— Братик, у Юйюаня так на сердце тяжело... Цинюнь лежит здесь совсем неподвижно. Юйюань так хочет сделать хоть что-то, чтобы помочь тебе и семье, чтобы папа с мамой так не уставали...

— Юйюань, ты хороший ребенок, я знаю.

— Братик, как ты думаешь, он проснется? Юйюань так хотел бы оказаться на его месте... чтобы он меньше страдал. Я бы даже согласился...

— Не говори глупостей! — Спокойный мужской голос внезапно дрогнул от волнения, прерывая мягкое щебетание. Затем, уже с явной любовью в голосе, мужчина добавил: — Юйюань, будь умницей. Не произноси таких плохих вещей. Как ты можешь страдать вместо него?

— Кто ты, а кто он?

— Он тебе не ровня.

— Братик...

— То, что он оказался в таком положении — его собственная вина. Ты тут ни при чем. Юйюань, ты просто слишком добрый.

Зазвонил телефон. Стук каблуков начал удаляться. В палате снова остался лишь один человек с открытыми глазами — Сун Юйюань. Ледяное змеиное шипение снова коснулось уха лежащего.

— Лежать вот так, ни жив ни мертв... Какая скука.

— Послушай, дорогой мой братец, может, мне помочь тебе отправиться в путь?

— Перестань маячить перед моими глазами и глазами моей семьи, ладно?

— Видишь, как сильно все тебя ненавидят?

— Я проявлю милосердие и помогу тебе... доброго пути, братец... А?!!!

Когда Мэн Тинтун открыл глаза, первым, что он увидел, было бледное, искаженное ужасом лицо. Он расширил глаза от ужаса, будто они готовы были выкатиться из глазниц.

— Как же ты шумишь, — негромко произнес Мэн Тинтун. Его голос от долгого молчания изменился: стал сухим, хриплым и пропитанным крайним раздражением.

«Что это еще за мелкий бес? И почему он такой болтливый?»

— Сун... Сун-Сун... Сун Цинюнь! Ты... ты очнулся?!

Дверь распахнулась от сильного удара. В палату ворвался другой мужчина. Он мгновенно заслонил собой бледного юношу и, не разбираясь, набросился на лежащего с обвинениями.

— Сун Цинюнь! Ты только пришел в себя и уже снова издеваешься над Юйюанем?! — яростно выкрикнул он.

Мэн Тинтун пару раз медленно моргнул. Он огляделся, подтверждая, что в комнате, кроме него самого, только эти двое. Наконец он сопоставил услышанные имена с реальностью.

Если это бледное недоразумение — Юйюань...

Тогда Сун Цинюнь — это...

Мэн Тинтун помолчал пару секунд, а затем выдавил из пересохшего горла:

— Это я?

— А кто же еще?! Немедленно извинись перед Юйюанем!

Мэн Тинтун прищурился. Он приподнял руку, натягивая трубку капельницы. Стекланный флакон над головой качнулся, дробя слепящий свет лампы на острые осколки. У него зарябило в глазах.

Голова кружилась. Но сквозь эту дурноту в мыслях Мэн Тинтуна промелькнуло лишь одно:

«Хм. А это становится интересно».

<http://bllate.org/book/20577/2105621>